

Топос благоухания мощей в памятниках русской средневековой агиографии

Научный руководитель – Матасова Татьяна Александровна

Ручкина Анна Юрьевна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Исторический факультет, Кафедра истории России до начала XIX века, Москва, Россия

E-mail: a.ruchkina@school-cpm.ru

Проблема изучения роли и восприятия запахов в разных историко-культурных условиях начала активно обсуждаться в западной историографии еще в 1980-х годах [10]. Научное направление, связанное с изучением восприятия запахов, возникло в рамках большого научного тренда - антропологии чувств, которая поставила вопрос о том, как использовались разные органы чувств в разные эпохи и как воспринималась полученная от них информация. Во всех культурах запахам отводилась важная роль, когда речь шла об отношениях человека со сверхъестественными силами. Они исторически были значимы не только как физически ощущаемое явление, но и как символы, заключающие в себе определенный набор смыслов, которыми они наделяются в рамках той или иной традиции и системы представлений. Запахи нередко выступали маркером присутствия сверхъестественных сил в земном мире или помогали выразить те или иные чувства. Они словно олицетворяют широкий спектр явлений невидимой, но ощущаемой реальности. Ольфакторные (то есть, анализирующие информацию о запахах) исследования памятников средневековой литературы продемонстрировали, что христианская книжность наделяла ароматы особым набором смыслов и символов [11], понимание которых может обогатить наши представления об эпохе, литературе и личности самого подвижника. На отечественном материале изучение символики ароматов начала Т.А. Матасова, обратившая внимание на их роль в формировании образа соловецких отцов преподобных Зосимы и Савватия, а также в конструировании сакрального пространства монастыря [5; 6]. Относительно многих других агиографических памятников такая работа только предстоит.

Представляется, что чаще всего в русской средневековой книжности упоминания об ароматах связаны с повседневной жизнью человека, в рамках которой он мог столкнуться как со зловонием, так и с приятными («райскими») запахами, маркирующими божественное присутствие. В нашей работе основное внимание будет уделено именно райским ароматам, которые с определенной осторожностью можно считать близкими к топике. С одной стороны, свидетельства об ароматах встречаются в житиях далеко не всех подвижников, что объясняет, почему современные исследователи не выделяют их в отдельный топос [8]. В то же время повторяемость свидетельств об ароматах в определенных ситуациях, имевших сакральный смысл, позволяет задуматься о необходимости дальнейшего исследования этой проблематики с целью выявления возможных текстологических сходств, источников заимствований в Библии и богословских произведений, в русских или иностранных текстах, которыми могли вдохновляться русские средневековые книжники. На Руси уже с домонгольского времени были распространены и переводные Шестодневы, и оригинальная русская компиляция «Толковая Палая», где представлены «базовые» свидетельства о райских ароматах, вокруг которых развивалась рефлексия в книжности.

Исследователи, опирающиеся на западноевропейский материал, отмечают, что в агиографии присутствует понятие «запаха святости» как некоего маркера, позволяющего отличить праведника от грешника [11, с. 164-165]. Основой для таких представлений мог послужить следующий фрагмент Второго послания апостола Павла к коринфянам: «Яко

Христово благоухание есмы Богови в спасаемых и в погибающих” (2Кор.2:15). Традиция использования ароматов как маркера святости восходит ко II в. н.э. В середине этого столетия было составлено Мучение св. Поликарпа, ставшее основополагающим текстом для христианского учения о святых мощах. В этом памятнике описано сожжение святого за отказ поклониться языческим богам. Присутствующие при сожжении ощутили «такое благоухание, как будто пахло ладаном или другим драгоценным ароматом» [7, с. 421]. Представления об особом запахе святости, исходящем от тела святого были восприняты и в русской православной традиции.

Чаще всего в русских житиях упоминание “запаха святости” встречается в контексте смерти святого и благоухания мощей. Нам представляется, что благоухание, изливающееся в момент преставления святого, вполне можно признать топосом. Среди возможных причин его распространения в агиографии можно выделить отражение реальных келейных практик, общехристианские представления о «запахе святости» и влияние византийской литературной традиции. В апокрифах, пришедших на Русь из Византии, благоухание сопровождает Успение Богородицы: «Во исхожение святяа ея душа исполнися вони благыа и неизреченна свта мсто то» [9, с. 304]. В момент смерти Адама, согласно апокрифу, Ева увидела ангелов, большую золотую кадильницу и ощутила необыкновенно сильное благоухание [1, с.152]. Таким образом, переход между миром земным и Раем сопровождается яркими и необычными ароматами. Наконец, в реальной практике достаточно часто монахи, понимая близость кончины, устраивали каждение в своей келье. Каждением сопровождалась и отпевания. Благоухание, исходящее от святого в момент его смерти встречается в Житиях Сергия Радонежского, Кирилла Белозерского, Димитрия Прилуцкого, Зосимы и Савватия Соловецких и других святых. Достаточно устойчивым является не только сюжет, но и сама литературная формула: «излия же ся благоухание велие и неизреченно», восходящая, по-видимому, к Житию Сергия Радонежского в редакции Пахомия Логофета [3, с. 398]. Агиографы делают акцент на божественной, невероятной и удивительной для очевидцев природе и характере благоухания, наполнявшего всю келью, монастырь или даже город, оповещая таким образом современников об уходе святого в мир иной.

Благоухание могло ощущаться не только в момент смерти подвижника, но и спустя значительное время после нее исходить от святых мощей. Нетленность мощей рассматривалась как подтверждение святости, хотя и не являлась обязательным условием канонизации. Схожее значение имели и иные чудеса, происходившие от мощей, включая благоухание и мироточение. Почитание мучеников в Византии начало формироваться во II веке, а с середины IV века появилась практика перенесения мощей [2]. Таким образом, после принятия христианства Русь унаследовала от Византии уже хорошо разработанную концепцию почитания мощей, а также традицию их описания в житиях и даже особых агиографических жанрах, специально посвященных обретению и перенесению мощей. С точки зрения Церкви мощи призваны были напоминать о подвиге святого и сохраняли благодать, полученную им при жизни, а значит, и особый присущий праведникам «запах святости». Обретение и перенесение мощей были важными событиями в монастыре или городе, являвшимися центрами почитания того или иного святого. Описания этих событий обязательно попадали в памятники агиографии и нередко сопровождалась упоминанием о благоухании, подтверждавшем святость подвижника. Так же как и в случае благоухания в момент смерти святого на агиографическую традицию могла влиять и реальная богослужебная практика – перенесение и обретение мощей сопровождалось специальными чинопоследованиями и каждением. Так, в текстологически сходных Службах на дни обретения мощей прп. Кирилла Новоезерского и прп. Зосимы и Савватия Соловецких развернуто описана чудесная сила святых мощей: «имю бо в себе неистошное сокровище,

пречестную и всебогатую раку, имущую мощи преподобного отца Кирилла, облагоухающе врныхъ и веселящи душевная чувства и тлесная, и исцеления подающа, и просвеща от Бога велия милости, яко да милостивъ будетъ нам в день судный» [4, с. 456]. Благоухающие нетленные мощи исцеляли больных, у них совершались чудеса, а молившиеся у раки надеялись на заступничество святых перед Богом на Страшном Суде. Благоуханием сопровождалось обнаружение и открытие гроба, а также перенесение мощей. Достаточно часто агиографы описывают и мироточения мощей. Сведения о нетленности, благоухании и мироточении мощей дополнительно подкрепляли святость подвижника.

Таким образом, устойчивые формулы, выделенные нами, восходят к собственно библейским текстам и византийской традиции, а также основываются на реальной богослужбной практике и представлениях о святости. Особое значение и, следовательно, широкое распространение в агиографии получили сюжеты, связанные с благоуханием в момент смерти святого и благоуханием мощей. Так как подобные свидетельства были аргументами в пользу почитания и канонизации святых, им уделялось большое внимание в житиях и специальных агиографических жанрах – сказаниях об обретении и переносе мощей. На наш взгляд, как уже давно хорошо известный мотив благоухания мощей, так и мотив благоухания в момент смерти подвижника имеют признаки топики житий преподобных.

Источники и литература

- 1) Апокрифы Древней Руси. Тексты и исследования. М., 1997.
- 2) Афиногенова О.Н. Мощи // Православная энциклопедия. Т. 47. М., 2017. С. 532-537.
- 3) Житие Сергия Радонежского // БЛДР. СПб., 1999. Т. 6. С. 254-411.
- 4) Карбасова Т. Б. Кирилл Новоезерский: История почитания: Исследование и тексты. М.; СПб., 2011.
- 5) Матасова Т.А. «Благоухание предивное»: ароматы средневековых Соловков и книжных представления о них // Беломорье и прилегающие территории: история и культура с древнейших времен до наших дней. Архангельск: Лоция, 2020. С. 363-369.
- 6) Матасова Т.А. «Дыханье северных садов»: свидетельства об ароматах как символах преобразования пространства в соловецкой средневековой книжности // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2020. №1. С. 109-136.
- 7) Мученичество святого Поликарпа Смирнского // Писания мужей апостольских / Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. С. 393-428.
- 8) Руди Т.Р. О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ. Том 57. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 431-500.
- 9) Слово об Успении Богородицы // БЛДР. Т. 3. СПб., 1999. С. 292-305.
- 10) Corbin A. Le miasme et la jonquille: L'odorat et l'imaginaire social aux XVIIIe et XIXe siècles. Paris: Aubier Montaigne, 1982.
- 11) Harvey S. Scenting Salvation: Ancient Christianity and the Olfactory Imagination. Berkeley, Los Angeles, London: University of California press, 2006.